

На правах рукописи

Кишбали Тамаш Петер

**АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АНАТОЛИИ:
ТИПОЛОГИЯ, ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ
КОНТАКТЫ. КУЛЬТОВО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА**

Специальность 17.00.04 –

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории искусства исторического факультета ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: Никулина Наталья Михайловна, кандидат искусствоведения, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты: Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности ФГБОУВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Гаврилин Кирилл Николаевич, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой «История искусств и гуманитарные науки» ФГБОУВПО «Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова» (МГХПА им. С.Г. Строганова)

Ведущая организация: ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук»

Защита состоится «_____» _____ 2016 года в 16.00. на заседании диссертационного совета (Д 501.001.81) на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, МГУ, Шуваловский корпус, исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова и на официальном сайте исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова:

<http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Kisbali.htm>

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат искусствоведения, доцент

Е.А. Ефимова

Общая характеристика работы. Анатолия является неоднородной территорией, как в географическом, так и в культурном отношении. Эта особенность приводила к тому, что в древности местные народы, хотя состояли как в постоянных контактах друг с другом, так и с более удаленными территориями, успешно сохраняли локальные традиции. Одним из наиболее наглядных примеров этого явления можно считать, на наш взгляд, Карию и Ликийю VI-IV вв. до н.э. – эти регионы активно общались с греками (как местными, малоазийскими, так и «заморскими»), однако в их культуре можно проследить собственные, локальные черты, а также отголоски более древних традиций.

Таким образом, Анатолия образует некое особое, самостоятельное пространство. Как отмечает Махтельд Меллинк, одна из самых значимых азиатских археологов середины-второй половины XX века: «ни одну из частей этого замечательного полуострова нельзя отсоединить и переместить под какую-нибудь другую из соседних культурных категорий»¹.

В настоящей работе сложные процессы взаимного влияния, синтеза локальных и внешних черт предлагается проследить на материале архитектурных комплексов. Наше внимание привлекают религиозно-культурные, репрезентативные, мемориальные сферы архитектуры: комплексы, обладающие особыми функциями, и вследствие этого, особым расположением, конфигурацией и оформлением. Именно совокупность этих свойств позволяет организовать сооружения по типам, выстраивать типологию.

Обладая высокой степенью видимости, подобные здания сыграли важную роль в сложении первых цивилизаций, ведь «интерес к монументализации часто сопровождал культуuroобразующие периоды, когда общественные здания выступали в качестве «вещественных метафор» для обозначения социальных

¹ *Mellink M. Anatolia: Old and New Perspectives // Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 110, No. 2, 1966. P. 129.*

отношений»². Типология является неотъемлемой частью архитектуры как таковой, наиважнейшим признаком «архитектурного присутствия»; она обозначает наличие «устойчивых, повторяющихся и повторяемых, но не изобразительных структур, отношений, схем»³, а исследовательская попытка выявить эти группы «прямо отражает <...> специфику архитектурного языка, построенного на обращении с устойчивыми типами»⁴.

В работе были рассмотрены и интерпретированы комплексы, обладающие особыми функциями, особым расположением, конфигурацией и оформлением. Нас интересовали постройки, попадающие под расплывчатое определение «монументальной архитектуры»: храмы, дворцы, гробницы, символически насыщенные ансамбли внутри поселений, комплексы святилищ. Эти сооружения являются осязаемым, вещественным воплощением ценностей, идеалов, уклада жизни общества. Разумеется, формы «обычной» жилищной архитектуры тоже важны для понимания древних обществ, однако этот материал известен значительно хуже, и его изучение требует специальной археологической подготовки и иных (не только искусствоведческих) подходов.

Архитектурные памятники нередко образовывали комплексы. Либо монумент являлся частью более крупной сакральной зоны (например, святилища, дворца или некрополя), либо сам он включал в себя множество разных составляющих. Поэтому помимо структуры, самого состава монументальных комплексов, необходимо уделить определенное внимание их месту в культовой и общественной жизни данной территории или всего региона, бытованию и функционированию этих сложных, особо значимых образований, их образности и определяющей строительной традиции.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки нашего исследования достаточно широки: во второй главе мы обратимся как к ранним

² *Thomas E.* Monumentality and the Roman Empire. Architecture in the Antonine Age. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 5.

³ *Ванеян С.С.* Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М., 2010. С. 675

⁴ Там же. С. 29.

доисторическим периодам (VIII-III тыс. до н.э.), так и ко II тысячелетию до н.э. Это необходимо для полного понимания культурных процессов: во-первых, позволяет на более широком материале, «панорамно» обрисовать пути и способы взаимодействия Анатолии с другими регионами Древнего мира, во-вторых, позволяет поставить вопрос об истоках некоторых явлений I тысячелетия до н.э.

Далее, в истории малоазийских культур хотелось бы особенно выделить период, обозначенный в заглавии нашей работы как «доэллинистический». Под этим мы подразумеваем временной отрезок, охватывающий примерно **X-IV вв. до н.э.** Границы этого периода условны и, в определенной мере, расплывчаты. X век до н.э. был выбран как отправная точка, ибо это то время, из которого нам известны следы монументального строительства на территории Центральной Анатолии (в Гордионе). Т.е. начало периода отмечено не конкретными событиями, а постепенным нарастанием изменений, в конечном итоге приводившем к переходу к иным условиям. Поэтому нам кажется удачным определение Экрема Акургала, выдающегося турецкого археолога, выбранное им для названия книги: «от Гомера до Александра»⁵. В этой формулировке одновременно заложены и отсылки к «героическому прошлому» - к событиям поздней бронзы, и контекст совместных поисков греков и других малоазийских народов, и резкий переход, олицетворяемый Александром.

Данный период сравнительно редко рассматривался комплексно: например, крайне мало работ, где анализировались бы и фригийский, и, например, ликийский материал, хотя, казалось бы, это сравнение могло быть плодотворным. Существует некий «историографический водораздел» на уровне середины VI века до н.э., хотя, как нам кажется, захват Малой Азии Ахеменидским Ираном не привел к кардинальному перелому в художественной жизни региона.

Необходимо подробнее раскрыть основные периоды и процессы, связанные с ними. В ходе «катастрофы бронзового века» карта Анатолии полностью перекраивается, и, действительно, в некотором смысле наступают «темные века».

⁵ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961.

Но в IX в. до н.э. начинается усиление отдельных народов и сложение более или менее прочных политических образований – и, что для нас особенно важно, снова начинают создаваться выдающиеся архитектурные комплексы. Этот первый этап связан с возвышением Фригийского и Лидийского царств, с активной деятельностью малоазийских греков. В конце VII-начале VI вв. намечаются и первые заметные движения таких территорий, как Ликия и Кария. В середине VI века с востока выдвигается новое действующее лицо – Ахеменидская Персия, подчиняющая себе фактически всю территорию Анатолии. При этих новых условиях окончательно складывается-синтезируется культура вышеупомянутых территорий. IV век до н.э. – особый период «предэллинизма», при котором синтез греческих и локальных черт достигает наивысшую точку развития. Этот период отмечен созданием архитектурных комплексов невиданного масштаба и сложности. Они в определенной мере предвосхищают монументальные проекты последующей эпохи. Однако сам эллинизм уже выходит за (и так достаточно широкие) рамки данного исследования.

В данной работе наибольший интерес для нас представляют центральные, западные и юго-западные территории Малой Азии (т.е. эгейское и средиземноморское побережья). Этот выбор связан с несколькими причинами, в первую очередь историографическими.

Архитектурное наследие восточной и юго-восточной Анатолии (т.е. регионов, соседствующих с Сирией и Месопотамией) изучено в более полной мере, чем западных и центральных территорий. Здесь в первую очередь имеются в виду т.н. «сиро-хеттские» (или неохеттские) княжества. Их изучение как *самостоятельных* культурных явлений началось раньше, чем тенденция анализа, например, фригийских или карийских памятников в отрыве от грекоцентрического подхода. На наш взгляд, даже будучи рассматриваемыми в рамках ассириологии, такие объекты как Каркемиш или Самал/Зинджирли обладают в историографии большей «автономией», нежели, например, лидийские памятники в контексте изучения греческого искусства. Таким образом, «сиро-

хеттский» архитектурный (и архитектурно-пластический) материал в целом лучше освоен, и на сегодняшний день имеются интереснейшие публикации⁶.

Актуальность темы исследования обусловлена постоянным появлением нового материала и непреходящим, а даже возрастающим, интересом к анатолийским древностям. При этом, недостаточная осмысленность культурных процессов Анатолии в разные периоды, не полное понимание связей с соседними регионами и другие проблемы затрудняют синтез накопленных данных. «Анатолийские исследования» как научное направление уже существует, однако, как нам кажется, искусствоведение (и изучение архитектуры в частности) представлено в недостаточной мере.

Изучение культуры древней Анатолии, в целом, в настоящее время выходит на новый этап: растущий корпус памятников требует постоянного пересмотра наших представлений о явлениях, протекавших в этом регионе, что способствует постановке новых вопросов. Новые материалы обрабатываются тщательно и подробно, а исследователям, отталкиваясь от памятников, удается переходить к обсуждению общих концептуальных проблем. Тем не менее, остро ощущается нехватка общих синтезирующих работ, которые смогли бы стать основой дальнейших исследований. В процессе работы были предприняты попытки соединить имеющегося материала и обратить внимание на фундаментальные проблемы художественной культуры древней Анатолии. Таким образом, наше исследование является предваряющим шагом в этом направлении.

Степень научной разработанности темы можно охарактеризовать следующим образом: изучение древней Анатолии – мультидисциплинарная область, соответственно, существует большой, постоянно расширяющийся корпус

⁶ *Pucci M.* Functional Analysis of Space in Syro-Hittite Architecture. Oxford: Archaeopress, 2008.; *Brown B.A.* Monumentalizing Identities: North Syrian Urbanism, 1200–800 BCE. PhD Dissertation, University of California, Berkeley, 2009.; *Gilibert A.* Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance. Berlin-New York: de Gruyter, 2011.

научных трудов (археологических, исторических, лингвистических), имеющих, однако, часто лишь косвенное отношение к теме настоящей диссертации. Исследований, посвященных непосредственно архитектуре Анатолии, их особенностям, функциям и межрегиональным связям, сравнительно мало. Особенно остро ощущается недостаток обобщающих работ.

Причиной такой «фрагментарности» научного поля является сравнительно запоздалое обращение исследователей к региону как *самостоятельной единице*. История археологических исследований на территории Анатолии хорошо известна⁷, но необходимо отметить основные вехи и этапы, выявить их специфику (см. в **главе 1**). Исследование процесса сложения науки способствует пониманию генезиса проблем и, возможно, приблизит нас к их решению.

Историография. Среди работ, посвященных древней Малой Азии, преобладают исторические, археологические, лингвистические труды. По культуре (тем более – по искусству) региона, наоборот, мы имеем слишком мало научных исследований. Разумеется, четкого размежевания между дисциплинами нет – сведения, например, о хеттских скальных рельефах можно черпать из исторических, лингвистических и т.д. изданий, однако значительно сложнее работать в сфере, где не расставлены акценты, нет вековой традиции дискурса о материалах, и даже «хрестоматия» памятников не сложилась, или же она явно неполная. В монографиях об искусстве Древнего Востока Анатолии часто отводится периферийная роль. После 1960-х годов крупные обзорные монографии ушли на второй план (они сохранились только в научно-популярном виде): прирост материала и смена исследовательских парадигм привело к тому, что предпочтение отдается достаточно узкоспециализированным исследованиям и коллективным монографиям. Анатолийская археология (а тем более – гипотетическая «анатолийская история искусства») не успела «породить» какие-

⁷ См. напр.: Marek C., Frei P. Geschichte Kleinasiens in der Antike. München: Beck, 2010. S. 37-72; The Oxford Handbook of Ancient Anatolia / Ed. S.R. Steadman, G. McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 15-93.

то фундаментальные труды, на которые можно опираться, или, скорее, от которых можно отталкиваться.

Пожалуй, необходимость написания сводной работы об анатолийских древностях одним из первых осознал Гельмут Боссерт, выдающийся немецкий археолог. Боссерт составил развернутый альбом «Древняя Анатолия. Искусство и ремесло Малой Азии от древнейших времен до полного растворения в греческой культуре»⁸. Хронологические рамки работы действительно весьма обширны, в него входят и находки III тыс. до н.э., и греко-римские памятники. Ученый рассматривает, в первую очередь, скульптуру и керамику, архитектура уступает на второй план. Исключение составляют некоторые гробницы, а также скальная архитектура, представленная в достаточно полном объеме – Боссерт понимает важность этого вида памятников, их анатолийский характер. Но оценка и характеристика влияния греческой культуры на искусство народов Малой Азии, пожалуй, выпадает из поля зрения автора. Не затрагивается искусство Карики IV века до н.э. – по всей видимости, для Боссерта здесь уже произошло «полное растворение» в греческой культуре, отмеченное в заглавии. Несмотря на это, работа Боссерта является важным изданием, в котором автор одним из первых (и немногих!) предпринял попытку обобщения искусства народов Малой Азии.

Самым фундаментальным автором является Экрем Акургал (1911-2002) – выдающийся турецкий археолог и историк искусства, первый профессор классической археологии университета в Анкаре. В 1942 Акургал защитил диссертацию на тему «Греческие рельефы VI века из Ликии» (на нем. яз.). Его первые книги⁹, посвященные скульптурному материалу сиро-хеттских княжеств, демонстрируют характерный авторский подход Акургала: сплав археологии с формально-стилистическим анализом. Книга о позднехеттском искусстве

⁸ *Bossert H. Th. Altanatolien. Kunst und Handwerk in Kleinasien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechischen Kultur.* Berlin: Wasmuth, 1942.

⁹ *Akurgal E. Remarques stylistiques sur les reliefs de Malatya.* Istanbul: Pulhan Matbaasi, 1946.; *Idem. Späthethitische Bildkunst.* Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1949.

останется актуальным вплоть до выхода капитального труда Винфрида Ортманна в 1971 году¹⁰. Следующей книгой Акургала стало «Фригийское искусство»¹¹ в 1955 году. На момент своего появления, а также на ближайшие десятилетия, «Фригийское искусство» (и последующие книги Акургала) были единственными доступными и, по мере возможности, полными изданиями по искусству этого круга. Возможно, некоторые его тезисы были позже пересмотрены, но сам факт их ясного звучания имел огромную значимость для изучения региона.

В «Искусстве Анатолии от Гомера до Александра»¹² Акургал обращается к материалу I тысячелетия, заостря внимание на искусстве фригийцев, урартов, ликийцев, лидийцев, карийцев, малоазийских греков и персов. Это первый опыт синтеза «малых» анатолийских культур. Часть материалов публиковался впервые, но глава о Фригии является, увы, большей частью пересказом всего сказанного в книге 1955 года. Акургал разрабатывает тему соотношения анатолийского и греческого искусств, затрагивает важнейшие вопросы соотношения II и I тысячелетий до н.э., пытаясь «закрыть», прояснить темные века, последовавшие после коллапса бронзового века. Данная книга, несмотря на некоторые недостатки (ошибки в датировках и т.д.), является важным, и на данный момент единственным комплексным исследованием в таком ключе.

Важнейшим трудом является книга Рудольфа Науманна (1910-1996) «Архитектура Малой Азии от истоков до конца времени хеттов». Первое издание его труда вышло в 1955 году. В нем он собрал практически весь известный на тот момент анатолийский архитектурный материал от халколита до конца бронзового века. В 1971 году Науманн выпустил второе издание, дополненное материалами раскопок прошедших 15 лет¹³. Одним из основных принципов изучения

¹⁰ *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst. Bonn: Habelt, 1971.

¹¹ *Akurgal E.* Phrygische Kunst. Ankara: Archäologisches Institut der Universität Ankara, 1955.

¹² *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin: de Gruyter, 1961.

¹³ *Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. 2., erweiterte Auflage. Tübingen: Wasmuth, 1971.

анатолийской архитектуры для Науманна выступает определенная детерминация строительных форм местным ландшафтом – понимание «близкой связи между архитектурой и природой анатолийских земель»¹⁴. Для работы Науманна характерен всеобъемлющий подход к своему предмету: он рассматривает весь изучаемый период как единое целое. В основе изложения материала лежит тщательный архитектуроведческий анализ строительных технологий древней Анатолии. Науманн предоставляет точное описание материалов и их сочетаний, характерных для региона (деревянный каркас, сырцовый кирпич и щебень, каменный фундамент и сырцовая стена, и т.д.). Далее он анализирует различные типы построек, а также отдельные элементы. В последнем разделе книги разворачивает историческую панораму древней анатолийской архитектуры.

Для Науманна особую важность имеет единство «малоазийского и северосирийского пространства»¹⁵. Во втором издании значительно увеличивается доля неохеттского материала, который, как Науманн сам отмечает, не попадает в хронологические рамки, заявленные в названии, однако, как он справедливо указывает, является продолжением и переосмыслением хеттской (и, в более широком смысле, анатолийско-сирийской) архитектурной традиции¹⁶.

Можно отметить книги, в которых была предпринята попытка «общеанатолийского» историко-культурного синтеза. Первая из них – это книга Альбрехта Гётце, «История культуры Малой Азии». Первый вариант этого труда вышел еще в 1933, однако был значительно доработан. Второе издание увидело свет в 1957 году¹⁷. Важно, что крупные периоды истории Малой Азии рассматриваются совместно, в одном труде, начиная от каменного века и заканчивая V-IV вв. до н.э. Помимо изложения исторических событий и описания

¹⁴ *Mellink M.* Review of „Architektur Kleinasiens...” by Rudolf Naumann // *Gnomon*, 31. Bd., H. 1 (1959). P. 71.

¹⁵ *Naumann R.* Op. cit. S. 13.

¹⁶ Этот подход найдет отражение в книге *Wright G.R.H.* *Ancient Building in South Syria and Palestine*. 2 vols. Leiden-Köln: Brill, 1985; см. особенно p. 489-496.

¹⁷ *Goetze A.* *Kulturgeschichte Kleinasiens*. München: C.H. Beck, 1957.

культуры и быта анатолийских народов в разные периоды, Гётце затрагивает и такие важные проблемы, как вопрос наследственности культур или соотношение «эллинизации и иранизации» (“Hellenisierung und Iranisierung”).

Другая книга, представляющая собой обширный синтез (научно-популярного толка) – труд Эвелин и Хорста Кленгела. Издание имеет несколько странное, постепенно расширяющееся название: «Хетты. История и окружение. История культуры Малой Азии от Чатал-Хююка до Александра Великого»¹⁸.

Обе книги опираются, в первую очередь, на материал II тысячелетия. Предшествующие периоды представлены в той мере, насколько это позволяют известные археологические находки, однако с последующим периодом, т.е. с I тысячелетием до н.э. возникает другой ряд проблем: отсутствие «хрестоматии», неполное понимание, что, какие памятники, какие явления вообще должна в себя включать «история культуры» этого периода. Если неохеттские княжества хорошо описываются исходя из хеттского и общего древневосточного контекста, то другим культурам (Фригии, Лидии, Карию, Ликий, их соотношению с восточными греками, и т.д.) явно не хватает общего концептуального фона.

После 1960-ых годов и по сей день в научной литературе преобладают коллективные труды. Одно из таких изданий хотелось бы рассмотреть подробнее. Это «Оксфордский справочник по древней Анатолии»¹⁹ 2011 года – наиболее полный сводный труд по древней Малой Азии, посвященный разным проблемам анатолийской археологии, истории, лингвистики. Важно, что для основы берется определение *географическое*, а анализу подвергаются по возможности все культуры, сменявшие друг-друга *на одной территории в определенный период времени*. Проблема межрегиональных отношений достаточно подробно раскрывается в данном издании. Весьма ценен раздел книги, в котором

¹⁸ Klengel E., Klengel H. Die Hethiter. Geschichte und Umwelt. Eine Kulturgeschichte Kleinasiens von Catal Hüyük bis zu Alexander dem Großen. Wien-München: Schroll, 1970.

¹⁹ The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: 10,000-323 BCE / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011.

анализируются проблемы взаимодействия с соседними регионами и культурами в разные периоды (гл. 29-34): это может быть изучение целой контактной зоны, например закавказско-анатолийской, обширная проблема индо-европейских миграций, роль отдельно взятого центра – Трои, или греки на территории Анатолии от эпохи расселения до Александра. Присутствует целый раздел филолого-исторических тем, в которых обобщены лингвистические, этнолингвистические сведения. Обзор хеттской политической истории от Ричарда Била имеет простую и четкую структуру (по правителям) и является прекрасным дополнением и к другим главам этого издания, и к другим книгам, например к монографии Тренора Брайса²⁰. Сам Брайс является автором 15-ой главы, об археологии и истории Западной Анатолии и Эгейского мира в эпоху поздней бронзы.

11 глав последнего раздела посвящены отдельным «ключевым археологическим комплексам», крупным поселениям или важным центрам, каждый из которых играл определяющую роль в тот или иной период (или скорее периоды). Среди них есть и хорошо известные (но порою достаточно спорные) места, как Гёбекли Тепе, Чатал-хююк, Кюлтепе-Каниш – в этих главах новые взгляды не высказываются, но тексты дают полный и актуальный набор сведений. Во главе «Ключевые центры Хеттской империи» (гл. 48) Д.П. Милке не ограничивается лишь Хаттусой и, например, Аладжа, а включает еще три менее известных города, что позволяет концептуализировать урбанизм эпохи империи. Идеи исследователя развиты также в статье «Хеттские города: в поисках концепции»²¹.

Однако широкие хронологические рамки, заявленные в названии книги, не оправданы. Превалируют материалы по бронзовому веку, но из I тысячелетия до н.э. освещаются только Фригия и Урарту (и частично – Лидия), Кария и Ликия

²⁰ Bryce T. *The Kingdom of the Hittites*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

²¹ Mielke D.P. *Hittite Cities: Looking for a Concept // Insights into Hittite History and Archaeology* / Ed. D.P. Mielke, H. Genz. Leuven: Peeters, 2011. P. 153-194.

фактически полностью выпадают из поля зрения исследователей. Нет отдельной главы об Ахеменидах, сведения разбросаны по разным разделам.

Хотелось бы вынести отдельно одну из глав, заслуживающую внимание с точки зрения темы настоящего исследования: «Памятники и память: архитектура и визуальная культура в истории древней Анатолии» Эмюра Харманшаха²². В этой главе предпринята попытка проанализировать монументально-архитектурную традицию Анатолии в широком контексте. Автор сам признается, что прослеживание «материальной культуры нескольких тысячелетий в не очень четко определенном регионе» - затруднительно, особенно с учетом характерного для Анатолии разнообразия²³. Его глава – по сути феноменологическое исследование проблем монументальности и коллективной памяти. Это эссе стоит особняком в сборнике и является в каком-то смысле экспериментальным. Но, кажется, оно написано скорее как некий указатель всех идей, которые волнуют автора. В настоящее время подготавливаются или находятся в печати несколько работ Харманшаха, в рамках которых, вероятно, он сможет в полной мере реализовать тот потенциал, который заложен в рассматриваемом нами тексте. Тем не менее, на данный момент это является фактически единственной работой, максимально приближенной к теме (и духу) нашего диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что русские историки и лингвисты внесли (и продолжают вносить) огромный вклад в изучение анатолийских древностей. Однако работ, посвященных искусству и художественной культуре региона, мало. В книге И.Р. Пичикяна «Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния»²⁴ архитектура Ионии рассматривается подробно, однако

²² *Harmanşah Ö.* Monuments and Memory: Architecture and Visual Culture in Ancient Anatolian History // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia.* / Ed. Sharon R. Steadman, Gregory McMahon. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 623-651.

²³ *Ibid.* P. 624-625.

²⁴ *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. Москва: Наука, 1984.

традиции других малоазийских территорий (например Ликии) лишь намечены. Проблемами культурных контактов Древнего мира II-I тыс. до н.э., а также теоретическим осмыслением художественных тенденций Малой Азии занимается Н.М. Никулина. Особенно хотелось бы выделить монографию «Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана»²⁵, в которой на материале глиптики, но также и с привлечением памятников архитектуры и скульптуры рассматриваются проблемы синтеза греческого и иранского искусства. К проблемам сложения локального искусства в системе художественных контактов Древнего мира (на пример этрусков и раннего Рима) обращается К.Н. Гаврилин. Необходимо также отметить статьи Н.А. Налимовой – в своих исследованиях она активно обращается как к наследию классической Греции, как и к анатолийским культурам.

Таким образом, главной **целью исследования** мы видим многостороннее изучение архитектурных комплексов древней Анатолии в доэллинистический период, который в данном исследовании определяется как XI-IV вв. до н.э., а также предшествующих периодов. Основными аспектами исследования являются 1) выявление общих и частных тенденций в создании архитектурных комплексов, 2) определение локальных особенностей региона, и 3) определение места древней Анатолии обозначенных периодов в общей системе архитектурных традиций Древнего мира в целом.

Для достижения цели исследования, можем поставить следующие **задачи**:

1. выработать подход к изучаемому материалу, позволяющий объединить периоды и ареалы, редко попадающие в одно исследование;
2. расширить существующие представления об архитектуре рассматриваемых культур с учетом их взаимосвязей и контактов;
3. определить характер взаимоотношений Анатолии со смежными регионами в разные периоды истории. Для полной картины привлечь и памятники, предшествующие основному материалу исследования;

²⁵ Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V-IV вв. до н.э. М.: Искусство, 1994

4. выявить особенности отдельных регионов Анатолии IX-IV вв. до н.э., определить, насколько эти особенности обусловлены прежней традицией (напр. наследием II тыс. до н.э.), общественной и культовой жизнью, и другими факторами.

Предметом исследования становятся особенности архитектуры древней Анатолии. Она рассматривается, с одной стороны, на локальном уровне, а с другой стороны, на межрегиональном, т.е. в системе культурных взаимоотношений Древнего мира.

Объектами исследования являются архитектурные памятники, контексты их создания (цели и ориентиры заказчиков-создателей, возможная связь с уже существующими постройками) и бытования (использование и восприятие современниками и последующими поколениями, собраний, влияние на архитектурную традицию). Особое внимание уделяется архитектурным комплексам, например святилищам, городским ансамблям, и т.д. По мере необходимости привлекается произведения скульптуры, керамики (фигурной, расписной) и другие художественные изделия, а также, где это возможно, письменные источники.

В рамках данного исследования нас, в первую очередь, интересует архитектура как явление, тесно связанное с жизнью общества в котором (и для которого) она создается. Помимо этого, по памятникам архитектуры можно наглядно проследить синтез локальных и заимствованных черт. Следовательно, наше исследование имеет комплексную **методологическую основу**, сочетающую в себе историко-культурный подход, типологический и сравнительный анализ, а также элементы архитектурной феноменологии. Во второй главе мы руководствовались типологическим принципом группировки комплексов. В третьей и четвертой главах памятники рассматриваются по регионам и по типам.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка анализа архитектуры древней Анатолии в широком контексте. В рамках

работы сравниваются памятники культур, которые в большинстве исследований рассматриваются обособленно друг от друга. Комплексный анализ архитектурных сооружений X-IV вв. до н.э. (доэллинистического периода) предпринимается нами впервые.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Древняя Анатолия представляет собой особое, самостоятельное пространство в динамичной системе культурных связей Древнего мира. Характер и направленность взаимодействий с соседними регионами, а также внутри непосредственно самих анатолийских областей, меняются от периода к периоду;
2. Несмотря на высокий степень изученности отдельных областей и памятников, общее, комплексное осмысление культуры Анатолии требует дальнейших исканий. Анализ истории изучения культуры и художественного наследия древней Анатолии способствует выявлению и лучшему пониманию этих основных проблем региона, и может стать основанием для плодотворной работы;
3. В первой половине I тысячелетия до н.э. в архитектуре народов, обитающих на территории Анатолии, находим некоторые черты, характерные исключительно для той или иной группы населения. Однако на протяжении VIII-V вв. до н.э. постепенно возникают общие тенденции, связанные, в первую очередь, с влиянием греков и Ахеменидского Ирана, а также с внутренними обстоятельствами;
4. Культово-мемориальные комплексы, создаваемые в IV веке до н.э. в западных областях Малой Азии, являются логическим завершением, кульминацией процессов предшествующих времен. Эти сооружения окажут сильное влияние на архитектуру и культуру эллинизма.

Практическая значимость исследования: в основе настоящего исследования лежит большой корпус памятников и связанной с ними научной

литературы. В работе также поднимаются важные проблемы положения Анатолии в системе Древнего мира как особого региона. Этот материал может быть использован специалистами в области истории и истории искусства при изучении художественного наследия древней Анатолии (в особенности – архитектуры). Отдельные разделы диссертации могут быть полезны для подготовки лекционных курсов и занятий по истории искусства Древнего мира в высших учебных заведениях.

Апробация работы. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Отдельные положения диссертации были озвучены в разные годы на Международной конференции молодых специалистов «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (МГУ, 2011, 2013, 2015; СПбГУ-ГЭ, 2012), на Международной конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (ИЛИ РАН, 2014), на «Сергеевских чтениях» (МГУ, 2015) и на Конференции памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (ИВ РАН, 2015), а также нашли отражение в опубликованных научных работах автора (см. список в конце автореферата).

Названные цели и задачи определили **структуру работы**. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения (альбома иллюстраций).

Во **Введении** обоснован выбор темы диссертационного исследования, сформулированы его цели и задачи, объяснена актуальность и важность работы. Здесь дана общая характеристика культур Анатолии в системе Древнего мира и обозначены некоторые особенности местных архитектурных комплексов.

Ввиду сложности и многоплановости изучения региона и его архитектуры, было принято решение перенести **историографию** в отдельную главу. Это дало нам возможность выделения и детального анализа главных проблем. Таким

образом, **первая глава («Основные проблемы изучения анатолийских культур»)** представляет собой комплексный очерк, объединяющий в себе обзор истории изучения культур Анатолии (с акцентом на постепенное обретение регионом «статуса» самостоятельного объекта научных исследований), определение места анатолийских культур в общей системе древних цивилизаций. Таким образом, историография ориентирована не на частные проблемы тех или иных комплексов, а скорее отражает общее состояние изучения региона. Предпринятый нами анализ истории открытий, научного освоения культур и художественного наследия древней Анатолии способствует лучшему пониманию основных проблем региона. Поскольку практически любое исследование древнего искусства начинается с археологических изысканий, мы обратились, прежде всего, к этой проблематике.

В работе прослеживаются основные этапы сложения «региональной научной дисциплины», и мы обращаем внимание на то, что Малая Азия сравнительно поздно становится самостоятельной единицей изучения. Работа с памятниками происходила в рамках разных дисциплин («библейской», классической археологии и т.д.). В конце XIX-начале XX вв., благодаря открытию анатолийских культур бронзового века (раскопки Трои, хеттских городов и памятников), возникла возможность выделения самостоятельных анатолийских культур. Постепенно росло понимание того, что некоторые памятники, рассматриваемые в рамках, например, греческого искусства, имеют и дополнительные составляющие. Как нам кажется, успехи археологии бронзового века являлись импульсом для более плодотворного изучения последующих периодов: исследование памятников железного века, например, раскопки Гордиона во Фригии, происходило уже в другой атмосфере, а также стали появляться новые интерпретации известных памятников.

В последнем параграфе первой главы на основании вышеуказанных теоретических разработок и обзора работ, посвященных уже непосредственно архитектуре Малой Азии, предлагается методика настоящего исследования.

Вторая глава («Монументальная архитектура Малой Азии от древнейших времен до распада Хеттского царства») предваряет основную часть работы (главы о доэллинистической Анатолии), но она обладает и собственной значимостью. В этой главе рассмотрен процесс возникновения и развития монументальной архитектуры на всей интересующей нас территории. Хронологические рамки этого раздела – VIII-III тыс. до н.э. Такой охват необходим и важен, во-первых, как апробация методов на обширном материале с целью выявления основных векторов культурного влияния и взаимодействия; во-вторых, для выявления и исследования возможного влияния этих древнейших культур на доэллинистическом этапе.

Вторая глава содержит два раздела. В первом разделе рассматриваются основные типы древней анатолийской архитектуры – дома-святилища («особые сооружения»), храмы, выделенные жилища и «дворцы», а также связанные с ними проблемы планировки поселений и организации комплексов. Уже в эпоху неолита возникают особые сооружения, отличающиеся по некоторым признакам от обычных жилищ (хотя на первых этапах они типологически тесно связанные с ними). Комплекс Гёбекли-Тепе – ключевой памятник этой эпохи. Эти овальные сооружения с опорами (часто с пластическим декором) были не простыми домами, а, скорее всего, использовались в ритуальных целях и для особых событий. Постройки Чатал-Хююка показывают, как дома обогащаясь символически, превращаются в прото-святилища. Домашние святилища впоследствии стали устойчивым (хотя и не всегда прослеживаемым) атрибутом разных анатолийских культур.

В этой главе был также рассмотрен вопрос о принципах планировки поселений. Зонирование территории и определение места разных построек в комплексе стали такими же важными аспектами выделения архитектурных сооружений, особых по значимости, как их украшение и масштаб. Это явление получило дальнейшего развития на следующем историческом этапе.

Во втором разделе второй главы рассматриваются памятники архитектуры II тысячелетия до н.э. Особое внимание уделено памятникам хеттского круга – именно они составляют большую часть материала, известного по археологическим раскопкам. Это отражает историческую действительность: хетты доминировали в Анатолии на протяжении длительного периода, и их культура была воспринята и повлияла на соседние подвластные им, или же просто территории, попадающие в ареал культурного притяжения.

Синтезируя достижения Древнего Востока, хеттам удалось создать свою архитектурную традицию. Нами был рассмотрен хорошо известный комплекс Хаттусы и другие важные по значению памятники хеттов. Были проанализированы основные группы монументальных построек: храмы и святилища, ворота и другие сооружения. Мы отмечаем отсутствие монументальных гробниц правителей – их место занимают здесь особые святилища. Все монументальные сооружения создаются по устойчивым типам (например, храм с прямоугольным внутренним двором), разработанным хеттскими зодчими.

В последнем параграфе раздела поднимается вопрос о «не-хеттских» культурах этого периода. Археологического материала, не связанного с хеттами, сравнительно мало от этого периода, что пока не позволяет нам в полной мере судить об их характере.

Третья глава («Архитектурные комплексы первой половины I тысячелетия до н.э.») рассматриваются архитектурные комплексы фригийской, лидийской, ликийской и карийской культур. Все эти культуры носят название отдельных народов, однако нельзя однозначно утверждать, что та или иная архитектурная традиция является исключительным достоянием только одного народа. На территории Малой Азии можно выделить еще и другие культуры, однако мы решили ограничиться теми, которые оставили особенно заметный след в истории архитектуры древнего мира. Несмотря на большое формальное разнообразие памятников, есть ряд аспектов, позволяющий рассматривать данный

временной отрезок как особую эпоху. Народы, населяющие эти области Малой Азии, обладают своими традициями, а также состоят в тесном контакте друг с другом, в результате которого зарождаются общие тенденции, создается своего рода общий художественный ареал. Краткий обзор исторического «фона» дан в первом разделе главы.

Во втором разделе рассматриваются памятники Фригии. Разнообразные постройки региона, относящиеся к X-VI вв. до н.э., представляют большой интерес, ввиду самостоятельного пути в культурном развитии этих земель. Фригийцы во многом демонстрируют свою преемственность и связь с культурой II тысячелетия, применяли хорошо известные типы (например, мегароны), однако всегда вносили что-то свое. В работе подробно рассмотрены комплексы фригийских тумулусов, «культовых» скальных фасадов, а также позднефригийский памятник Керкенес Даг, одно из самых интересных открытий последних лет.

На основе проанализированного материала, в работе мы выделяем два аспекта, характерных для фригийского искусства: «монументализацию природных форм» (под это понятие попадают, в определенной мере, и тумулусы, и скальные фасады) и особый орнаментальный язык, пронизывающий не только керамику и предметы художественного металла, но и все архитектурные сооружения. Модификация природных и создание скальных фасадов является очень интересным и самобытным явлением, которое, несомненно, потребует дальнейших исследований и осмысления в контексте общеанатолийской скальной архитектуры, известная еще во II тысячелетии до н.э.

Следующий раздел главы посвящен Лидии. Подробно рассмотрены лидийские тумулусы и другие погребальные сооружения региона. Архитектурных памятников, относящихся к VI-V вв. до н.э., к сожалению, сравнительно мало (среди них можно выделить архаический алтарь), однако нами предпринята попытка реконструкции общих художественных тенденций по разным археологическим материалам.

В четвертом разделе рассматриваются памятники Ликии, в первую очередь т.н. столбовые гробницы. В пятом разделе обобщены скудные сведения об архаическом этапе развития Карики.

В главе уделяется особое внимание двум «волнам» внешних влияний: во-первых, контакту с восточными греками (в первую очередь ионийцами), во-вторых, влиянию персидских Ахеменидов, покоривших Малую Азию во второй половине VI века до н.э. В главе показано, что эти два влияния могут быть комплементарными.

Вопрос о влиянии греческого искусства остается сложным и во многом дискуссионным. На ранних этапах (IX-VII вв. до н.э.) сходства, например, фригийских и греческих памятников, лучше объясняются не прямым влиянием одного народа на другой, а скорее тем, что оба искусства формируются параллельно, в общем культурном пространстве. «Эстетическое доминирование» греческого искусства в циркумэгейском ареале (включающего западную Анатолию, и имеющем сильное влияние в центральной Анатолии, и распространившемся на более отдаленные территории) наступило скорее во второй половине VI-V вв. до н.э. Греческое же искусство было притягательным, оно могло стать и отражением причастности к высокой культуре.

Вопрос «иранизации» необходимо разделить на влияние политическое, культурно-историческое и художественное. Персы, овладевшие этими территориями, не старались «насаждать» свои культурные коды, но они внесли большой вклад в сложение особого анатолийского искусства (в т.ч. и в круг памятников, называемый греко-персидским). Эти две волны влияния (греческая и персидская) на территории Малой Азии не находились в противоречии, а скорее дополняли друг друга.

В анатолийском художественном ареале возникают общие типы, однако эти типы имеют региональные своеобразия и «индивидуальные» решения архитектурных комплексов. Например, курганные захоронения встречаются у народов I тысячелетия до н.э., с погребальной камерой, повторяющей архитектуру

локального дома, но у фригийцев он сооружается из дерева, пока у лидийцев – из тесаного камня.

Четвертая глава («Культово-мемориальные комплексы IV века до н.э.») посвящена архитектурным комплексам IV века до н.э. на западных территориях Анатолии, в первую очередь Ликии и Карию.

После длительного подготовительного процесса, описанного в третьей главе, IV век был ознаменован всплеском строительной активности, связанной с выдвиганием на первый план влиятельных местных родовых династий в западных областях Малой Азии. Культово-мемориальные комплексы, создаваемые в этот период, являлись логическим завершением, кульминацией процессов предшествующих периодов. Такие знаменитые сооружения, как «героон» в Трисе, Монумент Нерейд в Ксанфе, Мавзолей в Галикарнасе, рассматриваются в контексте местных традиций, наряду с другими, менее известными памятниками. Особое внимание уделено их месту в пространстве городов.

В работе были рассмотрены три ликийских ансамбля: Монумент Нерейд в Ксанфе, героон Перикла в Лимире и героон в Трисе. Первые два – образцы монументальной усыпальницы правителя. Оба памятника активно применяют греческий архитектурный язык, но трактуют его свободно и на свой лад. Присутствуют и архитектурные «цитаты», например отсылки к знаменитым афинским сооружениям, и связь с локальными традициями. Героон в Трисе функционирует иначе – он является выделенным участком городского некрополя, в котором весьма отчетливо читаются следы периодических пиров и праздников, связанных как с прошлым (с памятью о «героизированном» предке), так и с настоящим. Эти три ликийских памятника (особенно Монумент Нерейд и героон в Трисе) также являются важнейшими памятниками архитектурной скульптуры.

В связи с Ликией снова заявила о себе характерная «анатолийская» тема скальной архитектуры, начатая разговором об искусстве хеттов и фригийцев. Ликийцы создали огромное количество скальных гробниц, имитирующих

настоящие постройки. Среди них можно выделить два направления: гробницы, повторяющие формы и приемы ликийских деревянных построек, и гробницы, применяющие греческие ордерные элементы. Скальные гробницы получили развитие и на других территориях Малой Азии, и были чрезмерно популярны в последующие эпохи. Речь не только о влиянии Ликии на данный процесс, но и об общей природной обстановке в Анатолии, благоприятной для развития этого направления – примеры скальных рельефов и во II, и в первой половине I тысячелетия до н.э. демонстрируют это. Однако Ликию определенно можно считать ведущей территорией для этого направления.

Второй раздел четвертой главы посвящен архитектурным памятникам Карики, созданным в эпоху династии Гекатомнидов. Этот могучий род, чьи представители являлись и «царями карийцев», и персидскими сатрапами, проводил масштабные строительства, связанные с их политической программой. Ключевым (и в некотором смысле итоговым) памятником был Мавзолей в Галикарнасе, которому посвящена основная часть данного раздела. Подробно рассматривается история его открытия, освещаются письменные и археологические источники позволяющие реконструировать облик этого сооружения.

Помимо Мавзолея, в разделе рассматриваются и другие карийские гробницы, а также комплекс святилища Зевса в Лабрандах – основного религиозного центра Карики IV века до н.э. Как нам кажется, Гекатомниды по своей политике и действиям являются образцовыми представителями предэллинизма. Комплекс Мавзолея в Галикарнасе в дальнейшем оказал сильное влияние на художественное мышление, архитектуру и искусство эпохи эллинизма.

Публикации по теме диссертации (жирным шрифтом выделены публикации в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК):

1. **Кишбали Т.П. «Монументальное доказательство»: Арчибальд Сейс и начало анатолийской археологии // Вестник ПСТГУ – Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 3/2015 (19). – С. 145-152.**
2. **Кишбали Т.П. Монументальная архитектура древней Анатолии в исторической перспективе // Научно-аналитический журнал «Дом Бурганова. Пространство культуры». Вып. 3/2015 (48). – С. 83–97.**
3. Кишбали Т.П. Фригийские скальные фасады // Исторические исследования (электронный научный журнал исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова). №2, 2015. С. 284-292.
4. **Кишбали Т.П. Святилище в Лабрандах и династия Гекатомнидов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 23-25 июня 2014 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2014. С. 419-429.**
5. Кишбали Т.П. Смерть македонца в Писидии: о термесской «гробнице Алкета» // «Актуальные проблемы теории и истории искусства». Сб. науч. статей. Вып. 4. / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб.: НП-Принт, 2014. С. 37-47.
6. Кишбали Т.П. Гробницы ликийских правителей V-IV вв. до н.э. // «Актуальные проблемы гуманитарных наук в XXI веке»: Материалы XV Международной конференции молодых ученых гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. / под ред. О.Б. Ермаковой. М.: Макс Пресс, 2013. С. 111-117.
7. Кишбали Т.П. Программа скульптурного убранства Галикарнасского мавзолея // «Актуальные проблемы теории и истории искусства». Сб. науч. статей. Вып. 3. / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб.: НП-Принт, 2013. С. 60-64.
8. Кишбали Т.П. Погребальные сооружения Карики IV в. до н.э. // «Актуальные проблемы теории и истории искусства». Сб. науч. статей. Вып. 2 / под ред. А.В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2012. С. 29-33.
9. Кишбали Т.П. Галикарнасский Мавзолей в контексте культуры Малой Азии // Per Aspera: Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Вып. 3. М., 2011. С 209-217.